
ПРАВОВОЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМАХ ПРАВА

УДК 343.241
ББК 67.408.02

О.А. Авдеева
*доктор юридических наук,
Сибирская академия права, экономики и управления*

НАКАЗАНИЕ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ

В статье исследуется правовой опыт России в сфере противодействия преступности. Хронологические рамки охватывают период формирования национальной системы права и становления уголовного права как самостоятельной отрасли в механизме правового регулирования. Уголовно-правовая политика России раскрыта в контексте законодательной новеллизации, детерминированной совокупностью политико-правовых и социально-экономических факторов. Дана оценка правового опыта зарубежных государств в разработке институтов уголовно-правового регулирования. Отражен процесс оформления в зарубежном и национальном праве понятийно-категориального аппарата, характеризующего механизм воздействия общества и государства на противоправное поведение индивида. С учетом формально-юридического и сравнительно-правового методов научного познания определены юридическая природа, сущность и роль наказания в механизме уголовно-правового воздействия, показано соотношение наказания и иных мер уголовно-правового характера. Сформулированы выводы, позволившие дать оценку социальной ценности накопленных юридических знаний и установить соответствие разработанных зарубежной правовой мыслью теорий наказания национальной правовой действительности.

Ключевые слова: национальная система права; уголовное право России; уголовно-правовая политика; правовые основы противодействия преступности в России; уголовное наказание; теории наказания; наказание как мера противодействия преступности.

O.A. Avdeeva
*Doctor of Law,
Siberian Academy of Law, Economics and Management*

PUNISHMENT AS A CRIME COUNTERACTION MEASURE: RETROSPECTIVE ANALYSIS OF LEGISLATIVE REGULATION IN NATIONAL LAW SYSTEM

The author researches Russian legal experience in the sphere of crime counteraction. The research chronologically covers the period of national law system formation and period of criminal law becoming an independent field on legal regulation. Russian criminal policy is studied in the context of legislative novelization determined by a set of political and legal, social and economical factors. The author analyses foreign countries' experience in criminal and legal institutions' development. The paper discovers the process of Framework of categories and concepts' formation. This framework describes the mechanism of state and society's influence on person's illegal behavior. Considering technical and comparative-legal approaches of scientific research the author defines legal nature, essentials and role of punishment in system of criminal and legal measures, describes correlation of punishment and other criminal and legal measures. The author states conclusions that allow estimate

social value of cumulated legal knowledge, set up a correspondence between foreign theories on punishment and national legal reality.

Key words: national law system; Russian criminal law; criminal and law policy; legal basis of crime counteraction in Russia; criminal sanction; theories of punishment; punishment as crime counteraction measure.

Обновление государственности, признанное первостепенной задачей в процессе укрепления правового государства и формирования гражданского общества в Российской Федерации, детерминировало модернизацию институтов национального права на основе соотношения общепризнанных принципов международного права, основополагающих принципов национальной доктрины и сложившихся в ходе социально-экономических и политико-правовых преобразований реалий. Обозначенная тенденция правового строительства предопределила повышенный интерес научных кругов, субъектов правотворческого процесса и общественности к уголовно-правовой политике, обусловленный предметом правового регулирования, публичным характером уголовно-правовых норм, обеспечивающих защиту наиболее социально значимых интересов как государства, так и человека и гражданина, главным образом права на жизнь, честь, достоинство, личную свободу и неприкосновенность [2; 4; 12; 16; 18].

Создание эффективного механизма правового регулирования уголовных правоотношений, гарантирование и реализация государством охранительной и регулятивной функций права актуализируют ретроспективный анализ уголовно-правовой политики на разных этапах развития отечественной государственности, осмысление правового опыта с целью выявления исторически сложившихся методов и способов уголовно-правового регулирования, установления объективных и субъективных факторов, определяющих уголовно-правовую политику, вскрытия причин, обуславливающих негативные процессы, определения позитивных тенденций и возможности их применения в условиях обновления системы права РФ.

Становление человеческого общества, закономерно обусловленное геополитическими, географическими, климатическими, социально-экономическими факторами, представляло собой поэтапный процесс «соединения частей свободы», что неизменно повлекло зарождение первичных форм самоорганизации с пре-

обладанием потестарно-властных публичных отношений [3, с. 29].

Последовательное развитие форм самоорганизации общества привело к введению мер социального воздействия на поведение индивида посредством исторически сложившихся на основе традиций и обычаев мононорм, определяющих порядок восстановления нарушенного «нравственного и физического состояния» потерпевшего лица по принципу «воздаяния равным за равное». Основополагающее место в системе мер социального воздействия занимали языческие обычаи, устанавливающие кровную месть за совершение всякого рода «злых дел» по принципу «око за око, зуб за зуб». Преследуя, по мнению И. Канта, целью «нравственное и материальное возмездие», обычай кровной мести позволял потерпевшему лицу или его родственникам осуществлять расправу с преступником по принципу «тальона».

Поступательное развитие первобытного общества предопределило зарождение публично-властных отношений, детерминирующих процесс государствообразования. Исследование первобытных форм организации общества и происхождения государства и права, получившее отражение в трудах представителей античной правовой мысли Демокрита, Протагора, Сократа, Платона, Аристотеля, свидетельствует о социально-экономической и политической обусловленности введения механизма правового воздействия в целях обеспечения «природной справедливости» и «обуздания свойственных людям зависти, раздоров и взаимного причинения вреда».

В развитие теории «нравственного воздаяния» Ч. Беккариа подчеркивает, что «ничто не в силах надолго удержать человека от взрыва страсти», и по мере усиления беспорядка в обществе происходит «увеличение побуждения» к нарушению установленного запрета. Следовательно, чтобы остановить «деспотические стремления каждого отдельного лица, клонившегося к ниспровержению законов и водворению в обществе первобытного хаоса», потребовалось ввести как меру воздействия наказание [3, с. 26-27].

Цель наказания на стадии перехода от первобытных форм организации общества к государству, по Ч. Беккариа, заключалась в «воспрепятствовании преступнику совершать новые вредные его согражданам деяния и отклонение других от совершения таких» [3, с. 49]. При этом действия разрушения, которые «замечаются как в физическом, так и в нравственном мире», устраняются только такими средствами, которые непосредственно «поражают чувства и запечатляются в уме и таким образом уравновешивают собой силу впечатлений, производимых личными страстями, идущими всегда вразрез с общим благом» [3, с. 26-27].

Характеризуя процесс оформления механизма правового воздействия в условиях становления древнерусской государственности, необходимо отметить сочетание опыта зарубежных правовых систем с особенностями национального политико-правового развития. Исследователи истории русского права Д. Самоквасов и В. Сергеевич писали, что с принятием христианства и введением на основе рецепции норм византийского права, в частности Номоканона и церковных уставов, в России наметился переход от «материального» к «формальному» пониманию наказания [10, с. 408; 12, с. 357]. «Формальный взгляд» на наказание предполагал законодательное установление уголовно-правового запрета и определение меры дозволенного в поведении индивида. Нарушение уголовного запрета влекло наказание. При этом «всякое наказание состояло в причинении какой-нибудь неприятности преступнику, какого-нибудь страдания» [11, с. 406].

Взяв за основу теории «полезности возмездия» и «всеобщего страха перед наказанием», получившие разработку в трудах греческих философов-софистов, римских юристов и предусматривающие конечной целью государственного воздействия «осуществление наказанием впечатления, способного удержать преступника от дальнейших посягательств, а других - от подражания его примеру», древнерусское законодательство регламентирует замену кровной мести назначением смертной казни, «потока и разграбления», лишения свободы, уголовного штрафа, телесных и членовредительских наказаний.

Упоминания о назначении простой и квалифицированной смертной казни в виде утопления, повешения, сожжения и убиения камнями, осуществляемых при публичном скоплении народа на торговой площади в от-

ношении участников восстаний против государственной власти 1067, 1071 и 1113 гг., содержатся в летописных сказаниях восточных славян, сочинениях арабских путешественников, в «Поучении» Владимира Мономаха и в Житиях святых [1; 6; 10; 11]. Согласно Троицкой летописи за преступления против государственной власти и церкви назначали наказание в виде лишения свободы посредством заключения в порубы и погреба, соорудившиеся на перекрестках торговых путей с целью возложения при отсутствии целенаправленного государственного финансирования содержания заключенных на родственников или проезжих лиц.

Свод норм древнерусского права, вошедший в юридическую науку как Русская Правда, регламентирует основания и порядок назначения за совершение убийства в разбое, конокрадства, поджога гумна или двора «потока и разграбления». Основным видом наказания являлся «поток», предусматривавший «политическую смерть» преступника, т.е. лишение его прежнего социального статуса и изгнание с прежнего места жительства на «чужбину» (ст. 7, 35, 83 Пространной редакции Русской Правды). В качестве дополнительного наказания к «поток» применяли «разграбление», подразумевавшее конфискацию имущества.

Формализуя теорию наказания «материального возмездия», Русская Правда регламентирует назначение уголовного штрафа за совершение убийства, преступлений против здоровья, связанных с нанесением ран, побоев и других увечий или совершением членовредительства, и преступлений против собственности в виде «виры» и «продажи» в пользу «княжеской власти» и «головничества» и «урока» в пользу потерпевшего лица (его родственников). Летописный материал свидетельствует о назначении в судебной практике телесных болезненных наказаний, осуществляемых розгами и клеймением [1; 10; 11]. Подтверждением тому служит содержание ст. 65 Пространной Правды, устанавливающей применение «сечения» к холопу, нанесшему побои свободному человеку [9].

Частичная новеллизация мер уголовно-правового воздействия наметилась с принятием Псковской судной грамоты, в которой впервые на законодательном уровне в качестве «главного вида наказания» за совершение государственной измены («перевета»), «кражи в Кремле», «конокрадства», «кражи, совершен-

ной в третий раз» и поджога («зажигательства») была закреплена смертная казнь [7].

Радикальные изменения система мер уголовно-правового воздействия претерпевает в период централизации русского государства, когда в целях устрашения социальных низов смертная казнь получает массовое применение. По Судебнику 1497 г. смертная казнь назначалась за «коромолу», «подмет», «зажигательство», «душегубство» господина, «церковную» и «головную татбу», «татбу», совершенную во второй раз, разбой, «ябедничество» и иное «лихое» дело, совершенное «ведомым лихим человеком» [17]. Определение способов исполнения смертной казни возлагалось на усмотрение суда. Согласно летописям, в большинстве случаев смертная казнь осуществлялась через повешение, «головой ссекоша» и утопление. Применяли квалифицированные виды смертной казни, предусматривавшие причинение до лишения жизни дополнительных мучительных истязаний, таких как «бити и мучити и конми волочити по всему граду и по всем торгам».

Вторым видом наказания по Судебнику 1497 г. являлись телесные наказания. Самым распространенным из телесных наказаний была «торговая казнь», назначаемая за совершение «татбы» без квалифицирующих признаков. «Торговую казнь» осуществляли на торговой площади при скоплении народа путем «бития кнутом», который представлял собой «прикрепленный к деревянной рукоятке ремень около аршина длиной, изготовленный из толстой засушенной сыромятной лошадиной или лосиной кожи» [12, с. 414].

Введение «торговой казни» повлекло постепенное ограничение назначения членовредительских наказаний в виде ослепления, урезания за «дерзкие речи» языка и ушей. Согласно исследованиям Д. Самоквасова и В. Сергеевича, при невыполнении судебного решения, вынесенного по уголовным делам небольшой тяжести, осужденного к уголовному штрафу наряду с основным наказанием приговаривали к дополнительному наказанию в виде «правежа». Под «правежом» понимали телесное наказание, осуществляемое на торговой площади прутом. Срок и тяжесть наказания зависели от размера взыскиваемого судом штрафа. По свидетельству очевидцев, «одни, на правеже стоя, бою не чувствовали, другие были изувечены» [10; 11]. Распространенным видом наказания по Судебнику 1497 г. выступал уголовный штраф - «продажа», назначае-

мый за совершение «пожега», «душегубства» и «татбы» без квалифицирующих признаков.

Помимо смертной, «торговой казни» и «продажи» в период централизации древнерусского государства применяли такие виды наказания, как лишение и ограничение свободы. Лишение и ограничение свободы назначали, как правило, в отношении преступников из числа приближенной к трону родовой знати и осуществляли посредством тюремного заключения, тюремного заточения и ссылки на поселение. По свидетельству исследователей русского права, «дети боярские», участвующие в заговоре против главы государства, подлежали наказанию в виде «испомещения с отписанием казны и сел по иным городам», а также путем «заточения в тюрьму пометати», «заточения в Коломенском монастыре» и «пожизненного заточения в Угличе» [10; 11].

Очередной этап модернизации уголовной политики связан с изданием Соборного Уложения 1649 г., согласно которому наказание должно не только внушать «спасительный для общества и государства страх», но и «поражать своим внешним видом и обрядом исполнения» [1]. Промульгируя такие цели наказания, как устрашение и возмездие, Соборное уложение 1649 г. подробно регламентирует основания назначения и способы исполнения смертной казни, в том числе путем «зжения огнем безо всякого милосердия», «залития горла раскаленным металлом» и закапывания «живу в землю и держати в земле до тех мест, покамест не умрет» (ст. 14, 24, 26, 72 гл. XXII).

На втором месте по назначению судом стояли болезненные и членовредительские телесные наказания. Болезненные телесные наказания исполняли посредством «бития на казне или по торгам» кнутом или батогами (толстыми прутами), а также путем «правежа», заключавшегося «в битии» приговоренного на торговой площади в течение одного месяца «по икрам палками». Членовредительские телесные наказания исполняли путем вырывания ноздрей и урезания носа с последующей ссылкой «в дальние города, где государь укажет».

На третьем месте в системе наказаний находилось лишение свободы в виде ссылки и тюремного заключения [5]. Используя ссылку как способ изоляции преступника, законодательство определяло «труднодоступные места» в виде монастырей, крепостей и острогов. Тюремное заключение применяли в виде наказания, назначаемого до принятия «государева

указу». Вследствие этого срок тюремного заключения по Соборному уложению 1649 г. варьировался от трех дней до трех месяцев.

В качестве основного и дополнительного наказания назначали лишение чести, что предполагало отстранение от занимаемой в органах государственной власти должности либо «выдачу исцу с головой», т.е. обращение в «обельного» (полного) холопа. В зависимости от социального статуса подсудимого действовала система штрафов. В качестве дополнительного наказания применяли конфискацию имущества в пользу «государевой казны».

Новый этап уголовно-правовой политики наметился с введением в действие в 1715 г. Артикула Воинского. Исходя из теории полезности наказания, «отнимающего у преступника физическую возможность вредить, устрашающего других и уничтожающего готовность и решимость на совершение новых преступлений и тем исправляющего преступника», государство закрепляет в Артикуле Воинском иерархическую систему основных и дополнительных наказаний. К основным видам наказаний относили смертную казнь, лишение свободы, телесные наказания и уголовный штраф.

Широкое применение получила смертная казнь, осуществляемая как простым, так и квалифицированным способами. К простым видам смертной казни относили отсечение головы, наказание «виселицею» и «лишение живота» через аркебузирование (расстрел). Квалифицированную смертную казнь исполняли посредством четвертования, колесования и сожжения. Квалифицированной смертной казнью считали также простую смертную казнь, сопряженную с дополнительными мучительными истязаниями в виде «разрывания ноздрей», «прожжения языка раскаленным железом», «распятия рук гвоздями» и предварительным «рвaniem клещами». Дальнейшее ужесточение уголовно-правовой политики наметилось с принятием Указов 1719, 1723 гг., устанавливающих новые способы осуществления смертной казни путем заливания в горло раскаленного металла и подвешивания на крюк за ребро.

Вторым видом наказания являлось лишение свободы в виде тюремного заключения, срочной и пожизненной ссылки на каторгу на галеры и рудники. Третьим видом наказания выступали телесные наказания, подразделяемые на болезненные и членовредительские. Наряду с ранее известными способами ис-

полнения болезненных наказаний кнутом, батогами, плетью законодательство XVIII в. вводит наказание кошками, линьками и шпицрутенами. Наказание кошками подобно наказанию кнутом предполагало нанесение приговоренному ударов изготовленным из толстой сыромятной кожи широким ремнем, разрезанным на четыре части и с узелками на концах. Линек представлял собой используемый на флоте канат с узлами. Наказание шпицрутенами осуществляли посредством прогона осужденного сквозь строй солдат, наносящих ему удары по спине короткими палками. Членовредительские наказания исполняли путем урезания языка или прожжения его раскаленным железом, отсечения руки, суставов и вырывания ноздрей.

Для представителей высших слоев населения основным видом наказания служило лишение чести и достоинства. Законодательному оформлению подлежали «позорящие наказания» в виде «шельмования», «разламывания палачом шпаги над головой» осужденного, «ареста у профоса» (служителя, убравшего нечистоты в казармах) путем нанесения «удара профосом по щеке» и введения запрета на погребение в установленных местах. Дополнительными видами наказаний являлись конфискация имущества и церковное покаяние в виде эпитимии. Заимствование у Византии уголовно-правовых мер «воспитательного воздействия» предопределило назначение за совершение преступлений против церкви и семьи длительных молитв, постов, паломничества, раздачи нищенствующим милостыни.

Анализ сложившегося в России на протяжении эволюции отечественной государственности механизма противодействия преступности, оценка роли наказания в системе мер уголовно-правового воздействия были даны в Наказе Екатерины II, данном законодательной комиссии в ходе разработки проекта нового уложения законов. Национальный механизм правового регулирования уголовных правоотношений был раскрыт с позиции учения Ч. Беккариа, предложившего четыре «постулата наказания», таких как признание главной целью наказания предупреждение преступлений, законодательная определенность наказания, недопустимость «свободной интерпретации» закона и назначение наказания исключительно судом [3, с. 29-34].

Следует отметить, что, определяя «пропорцию между преступлением и наказанием»,

Ч. Беккариа писал, что наказание как препятствие, «отвращающее людей от преступлений, должно быть тем сильнее, чем то или другое преступление более противно общественному благу», и «самое сильное средство предотвращения преступлений заключается не в жестокости наказания, но в их неизбежности» [3, с. 81]. Следовательно, средством противодействия преступности является не жестокость наказания, несмотря на то что наказание и способы их исполнения производят «наиболее сильное и продолжительное впечатление на умы людей», а бдительность органов государственной власти и неумолимая строгость судьи. Неизбежность наказания, по Ч. Беккариа, «больше, чем страх наказания самого жестокого, соединенный с надеждой на безнаказанность» [3, с. 82].

Подчеркивая эффективность наказания в механизме противодействия преступности, мыслитель указывает, что для того, чтобы наказание произвело свое действие, достаточно, чтобы страдание, причиняемое наказанием, превышало удовлетворение, получаемое от преступления. Разграничивая преступления на два вида - против личности и против вещей, Ч. Беккариа признает допустимость назначения смертной казни и телесного наказания независимо от происхождения и социального статуса виновного лица. Смертную казнь Ч. Беккариа считает необходимой по двум мотивам: в случае угрозы безопасности нации (даже в местах лишения свободы), а также если смерть представляется единственным средством отвращения других от совершения преступлений [3, с. 86].

Согласно Наказу, составленному Екатериной II в духе европейской просветительской философии Ш. Монтескье («О духе законов»), Ч. Беккариа («О преступлениях и наказаниях») и Д. Дидро («Энциклопедия»), «наказание по своей цели - это препятствование возгнестись преступлению, а по своему содержанию - это труд и болезнь» [8]. В соответствии с Наказом уголовный закон должен содержать такие наказания, которые «впечатлевали бы в сердца людских начертание самое живое и долго пребывающее, в то же время были менее люты над преступниковым телом». Что касается смертной казни, Наказ Екатерины II рассматривал данную меру государственного воздействия как «некоторое лекарство больного общества» и указывал, что «смерть гражданина потребна только в одном случае, когда

он, будучи лишен свободы, имеет тем не менее средство и власть, могущие возмутить народное спокойствие».

Оценка роли наказания была дана в научной доктрине отечественного уголовного права. Актуальность оптимизации государственной политики в сфере регулирования уголовных правоотношений, в частности определения и назначения наказания, неоднократно отмечалась в трудах основоположников науки уголовного права. Так, в своей статье «Уголовное право, его предмет, его задачи», изданной в 1873 г. в «Судебном журнале», профессор И.Я. Фойницкий указывал, что предметом уголовно-правового регулирования следует признать как преступление, так и «преступность, т.е. состояние лица, вызывающее нарушение юридических отношений, охраняемых карой», «преступление в его последствиях, т.е. отношения, которые наступают для лица вследствие преступности и известны под именем наказания».

По мнению В. Сергеевича, «преступник должен быть наказан для удовлетворения интересов государства, для торжества права путем искоренения злодеев» [12, с. 407]. Одним из принципов назначения наказания В. Сергеевич считал «индивидуальность наказания», что предусматривало недопустимость коллективной ответственности и привлечение к уголовной ответственности исключительно виновного лица. Наказание не должно напрасно мучить человека и увечить его тело. Наказания должны быть «делимы» в соответствии с тяжестью совершенного противоправного деяния, а смертная казнь признается «высшей мерой наказания», назначаемой лишь в предусмотренных законом случаях [12, с. 412].

В развитие научной доктрины о наказании доктор уголовного права XIX в. Н.С. Таганцев подчеркивал, что страх наказания не есть что-либо отвлеченное, только пугающее того, кто посягнет на нормы права, а реально им ощущаемое последствие такого посягательства есть действительное наказание как проявление особого юридического отношения, возникающего между карательной властью и послушником велений авторитетной воли законодателя [15, с. 7].

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что создание национального механизма противодействия преступности, происходившее в процессе становления и развития отечественной государственности, поэтапного

законодательного оформления институтов уголовного права, характеризовалось признанием наказания как наиболее эффективной меры стабилизации уголовных правоотношений. Законодательная регламентация наказания в русском праве основывалась на осознании карательной сущности наказания, связанной с лишением человека его прав и интересов, уменьшением их объема либо введением особого порядка их осуществления. Если в условиях первобытной организации субъектом карательной власти являлось общество с присущей ему потестарно-властной организацией публичных правоотношений, то с образованием государства функция покаяния была возложена на органы государственной власти, обеспечивающие соблюдение законных прав и интересов подданных. Передача карательного права государству обуславливается целями и задачами общегития как правового организма [15, с. 55]. Наделение государства карательным правом содействует восстановлению идеи

справедливости: «каждому должно быть воздано по делам его, всякое преступление должно быть наказано». Одной из самых первых карательных формул является нравственное воздаяние, предусматривающее право потерпевшего на возмещение причиненного вреда и обязанность виновного лица по его «заглаживанию». Однако наказание является справедливым, если оно заслуженно и соответствует вине «качественно и количественно». Дальнейшее развитие форм реализации карательной функции государства привело к рассмотрению наказания в контексте предупреждения преступности путем устрашения и тем самым удержания лица, готовящегося к преступлению, от совершения задуманного. Наказание признается полезной и предупредительной мерой, так как устраняет путем смертной казни и лишения свободы физическую возможность дальнейшего причинения преступником вреда, а посредством устрашения «уничтожает решимость на совершение новых преступлений».

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева О.А. Правовое регулирование уголовных правоотношений в России (IX-XVIII вв.) / О.А. Авдеева. - Иркутск : На Чехова, 2012. - 150 с.
2. Азарян Е.Р. Преступление. Наказание. Правопорядок / Е.Р. Азарян. - СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. - 227 с.
3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа; пер. И. Соболева. - СПб., 1878. - 136 с.
4. Горбуза А.Д. О диалектике понятий «уголовное наказание», «уголовная ответственность» и «уголовное правонарушение» / А.Д. Горбуза // Становление и развитие советского уголовного законодательства. - Волгоград, 1973. - С. 46-53.
5. Жижин Б.Д. Ссылка в России. Законодательная история русской ссылки / Б.Д. Жижин. - СПб., 1900. - 70 с.
6. Леонтович О.И. История русского права / О.И. Леонтович. - Варшава, 1902. - 597 с.
7. Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота / И.Д. Мартысевич. - М., 1951. - 208 с.
8. Основные законодательные акты, касающиеся высших государственных учреждений в России XVIII и первой четверти XIX ст. - М., 1909. - 97 с.
9. Правда Русская Краткой редакции (Академический список). Материалы к изучению истории государства и права СССР. Русская Правда. - М. : Росвузиздат, 1962. - 102 с.
10. Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права / Д.Я. Самоквасов. - М., 1908. - 616 с.
11. Саркисова Э.А. Роль наказания в предупреждении преступлений / Э.А. Саркисова. - Минск : Наука и техника, 1990. - 158 с.
12. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич. - СПб., 1910. - 667 с.
13. Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н.А. Стручков. - Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. - 288 с.
14. Таганцев Н.С. Русское уголовное право / Н.С. Таганцев. - Тула, 2001. - Т. 1. - 800 с.
15. Таганцев Н.С. Русское уголовное право / Н.С. Таганцев. - Тула, 2001. - Т. 2. - 688 с.
16. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность / М.Д. Шаргородский. - Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. - 160 с.
17. Штамм С.И. Судебник 1497 года / С.И. Штамм. - М., 1955. - 112 с.
18. Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью / под ред. Б.С. Никифорова. - М. : Юрид. лит., 1968. - 255 с.

REFERENCES

1. Avdeeva O.A. Legal control of legal relations in Russia (IX-XVIII vv.): monograph. [*Pravovoe regulirovanie ugolovnyh pravootnoshenij v Rossii (IX-XVIII vv.): monografija*]. Irkutsk, 2012. 150 p.

2. Azarjan E.R. Crime. Punishment. Law and order. [*Prestuplenie. Nakazanie. Pravoporjadok* / E.R. Azarjan]. Saint-Petersburg, 2004. 227 p.
3. Bekkarija C. On crimes and punishment (translation by I. Sobolev). [*O prestuplenijah i nakazaniyah* (perevod I. Soboleva) / C. Bekkarija]. Saint-Petersburg, 1878. 136 p.
4. Gorbuza A.D. On dialectics of terms «criminal sanction» and «criminal responsibility». [*O dialetike ponjatij «ugolovnoe nakazanie», «ugolovnaja otvetstvennost'» i «ugolovnoe pravonarushenie»* / A.D. Gorbuza / *Stanovlenie i razvitie sovetskogo ugolovnogo zakonodatel'stva*]. Volgograd, 1973, pp. 46-53.
5. Zhizhin B.D. Exile in Russia. Legislative history of Russian exile. [*Ssylka v Rossii. Zakonodatel'naja istorija russkoj ssylki* / B.D. Zhizhin]. Saint-Petersburg, 1900. 70 p.
6. Leontovich O.I. Russian law history. [*Istorija russkogo prava* / O.I. Leontovich]. Varshava, 1902. 597 p.
7. Martysevich I.D. Pskov Judicial Charter. [*Pskovskaja sudnaja gramota* / I.D. Martysevich]. Moscow, 1951. 208 p.
8. Main legislative acts related to higher state institutions in Russia in XVIII cent. to the 1st quarter of XIX cent. [*Osnovnye zakonodatel'nye akty, kasajushiesja vysshih gosudarstvennyh uchrezhdenij v Rossii XVIII i pervoj chetverti XIX st.*]. Moscow, 1909. 97 p.
9. Russian Truth of brief version (Academical list). History of state and law research materials. Russian truth. [*Pravda Russkaja Kratkoj redakcii (Akademicheskij spisok). Materialy k izucheniju istorii gosudarstva i prava SSSR. Russkaja Pravda*]. Moscow, 1962. 102 p.
10. Samokvasov D.Ja. Russian law history course. [*Kurs istorii russkogo prava* / D.Ja. Samokvasov]. M., 1908. 616 p.
11. Sarkisova Je.A. Role of punishment in crime prevention. [*Rol' nakazaniya v preduprezhdenii prestuplenij* / Je.A. Sarkisova]. Minsk, 1990. 158 p.
12. Sergeevich V.I. Lectures and researches on ancient history of Russian law. [*Lekcii i issledovanija po drevnej istorii russkogo prava* / V.I. Sergeevich]. Saint-Petersburg, 1910. 667 p.
13. Struchkov N.A. Criminal responsibility and its execution in the context of crime fighting. [*Ugolovnaja otvetstvennost' i ee realizacija v bor'be s prestupnost'ju* / N.A. Struchkov]. Saratov, 1978. 288 p.
14. Tagancev N.S. Russian criminal law. [*Russkoe ugolovnoe pravo* / N.S. Tagancev]. T. 1. Tula, 2001. 800 p.
15. Tagancev N.S. Russian criminal law. [*Russkoe ugolovnoe pravo* / N.S. Tagancev]. T. 2. Tula, 2001. 688 p.
16. Shargorodskij M.D. Punishment, its purpose and effectiveness. [*Nakazanie, ego celi i jeffektivnost'* / M.D. Shargorodskij]. Leningrad, 1973. 160 p.
17. Shtamm P.I. Sudebnik of 1497. [*Sudebnik 1497 goda* / P.I. Shtamm]. Moscow, 1955. 112 p.
18. Effectiveness of criminal and legal measures of crime fighting. [*Jefferktivnost' ugolovno-pravovyh mer bor'by s prestupnost'ju* / pod red. prof. B.S. Nikiforova]. Moscow, 1968. 255 p.

Сведения об авторе

Авдеева Ольга Анатольевна - профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирской академии права, экономики и управления, доктор юридических наук, Иркутск; e-mail: Avdeeva_O_A@mail.ru.

About the author

Avdeeva Ol'ga Anatol'evna - professor of chair of state and legal disciplines, Siberian Academy of Law, Economics and Management, doctor of law, Irkutsk; e-mail: Avdeeva_O_A@mail.ru.